

К ИЗУЧЕНИЮ ИКОН СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРУЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Грузинская иконопись, насчитывающая более чем тысячелетнюю историю, – неотъемлемая часть мировой православной культуры. Грузия наряду с другими народами на протяжении веков вносила свой вклад в развитие искусства иконописания. Дошедшие до наших дней иконы представляют собой лишь незначительную часть святых образов, некогда существовавших в Грузии, будь то образы, созданные на месте грузинскими мастерами или же попавшие сюда из других стран. Как известно, для реконструкции истории иконописи, как и, впрочем, других видов древнего искусства, помимо самих сохранившихся памятников, неопределимое значение имеют различного рода письменные источники. В этом отношении не является исключением и Грузия. Наряду с многочисленными произведениями средневековой грузинской литературы, включающими агиографические, гимнографические, канонические, литургические труды, исторические хроники и различные документы также проливают свет на некоторые стороны создания и почитания икон в средневековой Грузии, а также повествуют о назначении тех или иных святых образов. Кроме того, эти произведения позволяют восстановить и уточнить некоторые термины, связанные с православной художественной культурой. Особое значение имеют произведения, рассказывающие о сохранившихся и по сей день почитаемых образах. Конечно же, в одной статье невозможно рассмотреть все аспекты этой многогранной темы, и поэтому я ограничусь лишь некоторыми основными источниками X–XVII вв., содержащими сведения об иконах, повествующими об их создании, почитании, чудотворениях, а также другого рода исторические свидетельства. Письменные источники сохранили наряду с этим интересные данные, позволяющие судить о культурных и духовных связях средневековой Грузии как с Византией, так и с другими православными странами. Предложенную вниманию читателя статью следует рассматривать как первый опыт последовательного всестороннего изучения грузинских средневековых письменных источников и литературных произведений с точки зрения исследования христианского художественного творчества. Дальнейшее их изучение в связи с историей христианского искусства позволит найти ответы на многие вопросы, касающиеся художественных, духовных и социально-культурных аспектов почитания святых образов не только в средневековой Грузии, но и во всем православном мире.

Церковное искусство Грузии, одной из древнейших христианских стран, вобравшее в себя различные тенденции восточного христианства, с одной стороны, и Византии, с другой, представляет собой многообразную и по-своему самобытную картину. Влияния византийского искусства по-разному проявляются в различных отраслях грузинской средневековой художественной культуры. В иконописи, а соответственно и в почитании, и интерпретации святых образов, Грузия неизменно следовала византийской традиции.

Рассмотрение письменных источников будет представлено в хронологической последовательности. Первым литературным произведением, привлечшим внимание, является известный памятник грузинской агиографии “Житие Григола Хандзтели” (Григорий Хандзийский, 759–861), описывающее жизнь и деятельность выдающегося грузинского церковного деятеля раннего средневековья, основателя многочисленных монастырей. “Житие” написано Георгием Мерчуле в X в. и содержит интересные свидетельства как о распространении святых образов, так и о чудотворении икон. По сведениям Георгия, Григол вместе со своим двоюродным братом Сабой (Саввой) и еще с одним учеником отправились в столицу Византии, “...в сокровищницу Христа, второй Иерусалим, т.е. Константинополь, чтобы посетить все замечательные святые места Греции и помолиться”. Там они поклонились “Древу жизни и всем святым мощам, обошли с радостью вся святые богомоля”¹. В свой монастырь в Хандзта, расположенный в Кларджети, в Южной Грузии, паломники привезли святые мощи и образы, а также “множество разных эвлогий”². Далее “Житие” повествует о чудесном исцелении, сотворенном иконой Божьей Матери. Для исцеления женщины, страдающей болезнью костей, Григол Хандзтели приказал священнику отправиться в церковь и принести эвлогию из неугасаемо горящей лампадки перед образом Пресвятой Богородицы. После длительных молитв Григол “осенил ее руки крестом и помазал их накрест тем маслом во имя Святой Троицы, и ходатайством святой Богородицы” свершилось ее чудесное исцеление³. Можно предположить, что упомянутая здесь икона находилась в церкви Богоматери Шатбердского монастыря (Южная Грузия). Эти сведения свидетельствуют прежде всего о распространении святых образов в Грузии в VIII–IX вв., а также о значении византийских святынь в церковной жизни страны. Следует отметить, что та часть Юго-Западной Грузии, где проходила деятельность Григола, являлась в указанную эпоху одним из значительных центров духовной и культурной жизни страны и была особенно тесно связана с Византией.

Следующее произведение, привлечшее внимание, – один из значительных литературных памятников раннефеодальной эпохи – “Житие Серапиона Зарзмели” (Серафим из Зарзма), созданное в X в. Василием Зарзмели. В нем описывается жизнь великого подвижника христианства, основателя обители в Зарзма (историческая область Самцхе, Юго-Западная Грузия)⁴. В “Житии” особое место занимает рассказ о храмовом образе – чудотворной иконе Преображения. “Житие Серапиона Зарзмели” имеет совершенно особое значение для исследования грузинского христианского искусства, так как это тот редкий случай, когда в литературном произведении повествуется о сохранившемся до наших дней образе. Имеется в виду самое раннее произведение грузинской средневековой чеканки – серебряная икона Преображения⁵. Сохранился ее чеканный оклад с донаторской надписью, исполнен-

¹ *Георгий Мерчуле. Житие Григола Хандзтели // Древнегрузинская литература (V–XVIII вв.) / Пер. Н. Марра. Тбилиси, 1987. С. 128.*

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 172.

⁴ *Басили Зарзмели. Житие Серапиона Зарзмели // Памятники древнегрузинской агиографической литературы / Пер. и примеч. К. Кекелидзе. Тбилиси, 1956. С. 76–101.*

⁵ *Чубинашвили Г.Н. Чеканное искусство Грузии. Тбилиси, 1959. С. 27–42.*

ной древнегрузинским письмом “асомтаврули”, с указанием точной даты его создания – 886 г. Эта одна из древнейших сохранившихся грузинских икон является также самым ранним примером так называемых украшенных икон (ჯეხოძიქმეწაი), имеющих чеканный оклад из драгоценного металла⁶.

К сожалению, в произведении Басилия не дается описание иконы, ее композиции, материала, не указано место создания и т.д. Такого рода сведения, столь важные для современных исследований, обычно были малозначимы для древних агиографов. Зато “Житие” красочно прославляет этот чудотворный образ и повествует об его особом значении и почитании. В научной литературе существуют два различных взгляда относительно эпохи жизни и деятельности Серапиона Зарзмели. Более распространенным является мнение акад. К. Кекелидзе, считавшего Серапиона деятелем IX–X вв. П. Ингорква же относит события, описанные в “Житии”, к VII–VIII вв. Это мнение разделял и акад. Г.Н. Чубинашвили⁷.

Уже в самом начале текста подчеркивается особое значение иконы Преображения (рис. 1). Учитель Серапиона, Михаил Парехели, следуя Божьей воле, изъявленной ему чудесным образом в видении после вечерней молитвы, посылает Серапиона и его брата Иоанне в Самцхе, дабы возвести монастырь на Богом указанном месте, а также повелевает взять с собой священный образ, так как “Тот, который повелел тебе взять только крест, теперь повелевает тебе взять животворящий образ вочеловечения Его” и поставить его в построенной святой церкви “для поклонения, исцеления больных и немощных и спасения многих душ”. Следуя повелению наставника, Серапион и его брат покидают обитель, взяв с собой “животворящую икону Преображения – помощь и надежду всех христиан”⁸. В тексте неоднократно восхваляется икона Преображения. Так, например, местный правитель почитает за чудо лицезрение этого прославленного образа и благодарит Бога за то, что Он сподобил его поклониться святой иконе⁹. Об исключительном значении этого образа свидетельствуют следующие слова Серапиона: “Кто в Гаваоне остановил солнце для Иисуса Навина и для старца Виссариона, тот и нас удостоит, пока стоит это солнце, узреть святую эту икону и поклониться ей”. Автор в своем красноречивом повествовании идет еще дальше и называет Серапиона, принесшего священный образ, новым Моисеем, а возведение нового храма сравнивает с постройкой скинии: «Новому этому Моисею, повелено было быть вождем нового сего Израиля, он нуждался при постройке скинии в помощи новых Веселиила и Елиава, ибо он не то что вошел в дым и принял скрижаль каменную, на которой были начертаны заповеди и закон, но в уме своем нес того, кто начертал их и кто в расселине скалы тайно говорил Моисею “Я есмь сущий”. Кто на горе Фаворской разговаривал с Моисеем, Ильею и с главою апостолов, того, изображенного во плоти, нес на раменах своих и поставил для поклонения верующих»¹⁰. В этих словах явственно видно желание связать эту икону Преображения с божественным промыслом, что еще раз свидетельствует о той роли, которую она

⁶ Patterson Ševčenko N. Vita Icons and “Decorated” Icons of Comnenian Period, in Four Icons in the Menil Collection // Menil Collection Monographs 1. Houston, 1992. P. 63.

⁷ Чубинашвили Г.Н. Чеканное искусство Грузии. С. 29–31.

⁸ Памятники... С. 80.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 90.

играла в религиозной жизни Грузии указанного периода. Думаю, не ошибусь, если скажу, что такие яркие образные параллели, связанные с иконой, редко встречаются в древних произведениях. “Житие” повествует также о чуде, совершенном иконой, – о покрытии водой “сварливых людей”, неверных, мешавших возведению храма и прогнавших отцов¹¹.

В перечне пожертвований кафедральному собору Светицховели в древней столице Грузии, сделанных католикосом – патриархом Мелхиседеком (1029–1033), говорится о богатых дарах, включающих и разного рода иконы, среди которых особо выделены иконы, подаренные византийскими правителями: “Золотая икона, пожалованная Константином, греческим царем... в маририи же (Мелхиседек) поместил икону святой Богородицы, украшенную золотом, камнями и жемчугом, пожалованную Василием, царем греческим”. Далее также указаны “большая икона из сароти, украшенная вокруг камнями, другая икона Спаса из серебра, позолоченная; и икона Крестителя одна, и Федора одна, и созданная *сароти*, окованная золотом и серебром, и другие иконы из *сароти*¹² и писанные золотым листом (позолоченные) мною же, числом 14”¹³. Этот краткий перечень дает богатый материал для истории икон. Прежде всего, здесь еще раз проявляется особое значение, придаваемое византийским иконам, тем более драгоценным иконам, дарованным самими византийскими императорами. Упомянутые императоры – это Василий II (976–1025) и Константин VIII (1025–1028).

В “Житии” прославленных афонских отцов Иоанна и Евфимия (“Житие Иоанна и Еквтиме”), созданном не менее значительным афонским деятелем грузинской церкви Георгием Мтацминдели (Святогорец) (1042–1044) мы находим сведения, заслуживающие особого внимания. “Житие” одних из самых ярких христианских деятелей, великих святогорцев – отца и сына Иоанна и Евфимия, являющихся основателями грузинской Иверской обители на Афоне в конце X в. – отражает многие стороны тогдашней истории Святой Горы. Не удивительно, что это произведение средневековой грузинской литературы является ценным источником и для освещения различных аспектов истории икон. Эти сведения нельзя недооценивать, так как они в лаконичной форме дают ясную картину развития иконного искусства времени этих святогорских отцов т.е. второй половины X – первой половины XI в. (Иоанн 920–1005, Евфимий – 955–1028). Перед нами предстают иконы во всем своем многообразии, будь то типология, сюжет или материал.

¹¹ Там же. С. 88–90.

¹² Этот термин требует разъяснения: в научной литературе в большинстве случаев “сарути” интерпретируется как бронза (см.: Monastic Documents. Vol. 2. P. 552. Not. 44, Петрицонский типик (см. ниже примеч. 28). С. 294. См. также: Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик, грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971, лексикон на с. 201). Но существует и другое объяснение, согласно которому этот термин означает мозаику (см. Лексикон картули (Грузинский лексикон), Сулхан Саба Орбелиани великого грузинского лексикографа XVIII века, а также: Чубинашвили Д. Грузинско-русский словарь. СПб., 1890. Переиздание – Тбилиси, 1984. С. 1110, 119). На основании имеющегося материала сложно судить категорично об этом термине, отмечу лишь, что мне кажется более вероятным предположение, согласно которому икона из сарути, упомянутая в данном документе, возможно, представляла собой один из мозаичных образов, редкие примеры которых встречаются как в Византии, так и в Грузии.

¹³ Памятники грузинского права / Под ред. И. Долидзе. Т. 3. Тбилиси, 1970. С. 70.

В начале произведения говорится, что при возведении монастырской церкви святые отцы украсили ее “богодуховными книгами и освятили честными иконами”. Из этих слов становится ясно, что уже в это время святые образы осознаются как один из основных элементов в создании сакрального церковного пространства. В перечне пожертвований святых отцов Иоанна и Евфимия афонским обителям – Большой Лавре, Карее и т.д. – упомянуты различные иконы. В перечне указаны сюжеты икон, их размеры, материал, а в некоторых случаях даже цены: “Большая восковая икона Распятия, ценою в 100 драхканов, другая большая икона Моления (Деисус), другая икона Снятия с Креста, дарованная царем Никифором, другая икона – канкели (эпистилий темплона) с 12 апостолами, другая восковая икона Крестителя, другая восковая икона святого Евстратия”. Церкви же в Карее были дарованы “канкели с божественными праздниками ... и 3 иконы Моления (Деисус)”¹⁴. Среди пожертвованных икон мы видим как индивидуальные образы, так и иконы эпистилиев, причем двух типов – с апостольским рядом и с Праздничным чином. Можно предположить, что восковые, т.е. энкаустические иконы, особо ценились, поскольку такого рода образы специально отмечены автором. Обращает на себя внимание также выделение нескольких икон, отличающихся от остальных техникой исполнения, происхождением и высокой ценностью. В тексте даже указана цена одной из икон – 100 драхканов (равняется 200 номисмам), подчеркнуто происхождение одной из них – дар византийского императора. Во время деятельности этих грузинских отцов на Афоне в Византии царствовал император Никифор II Фока (963–969), по всей вероятности, это он даровал святой образ Иверской обители. Данное обстоятельство еще раз указывает на роль и значение грузинского монастыря и заслуги ее отцов в жизни Византии.

Анализируемое агиографическое произведение содержит также рассказ о чудотворении икон. Так например, вняв слезным молитвам Иоанна, павшего на колени перед ее ликом, Богоматерь чудесным образом исцеляет тяжело заболевшего маленького Евфимия¹⁵. Знаменательно, что именно после чудесного явления Владычицы из уст Евфимия, не очень хорошо знавшего родной язык, полилась “как из ручья” грузинская речь. Такая связь между явлением Богоматери, исцелением и началом его красноречия свидетельствует о божественном происхождении таланта Евфимия и о богоугодности его переводческо-литературной деятельности. Этим знамением Евфимий получил божественное благословение своего служения.

В “Житии” также говорится о поклонении знаменитой святыне Иверского монастыря – иконе Богоматери Портаитиссы; входя в церковь, сначала св. Евфимий, а затем братья преклоняли колени и поклонялись Св. Богородице, находившейся над воротами¹⁶. В этом произведении примечателен еще один пассаж, иллюстрирующий православную традицию, согласно которой церкви приписывается создание иконы, тогда как художник является лишь техническим ее исполнителем. Будучи в преклонном возрасте, блаженный Евфимий решил послать своего послушника к живописцу, дабы

¹⁴ *Георгий Мтацминдели. Житие Иоанна и Евфимия // Грузинская классическая литература. Т. 2. Тбилиси, 1987. С. 18.*

¹⁵ Там же. С. 25–26.

¹⁶ Там же. С. 33–34.

объяснить ему, как полагается украсить, отданную ему икону Иоанна Бого- слова, но тут же передумал и решил самолично отправиться к художнику, так как побоялся, что послушник не сможет толком передать необходимые указания¹⁷. Таким образом, автор подчеркнул значение создания “правильного” святого образа и ответственность за это святых отцов.

В жизнеописании еще одного грузинского Святогорца – Георгия Мтацминдели, созданном его ближайшим учеником Георгием Мцире (1066–1068), имеется ценное свидетельство, касающееся создания икон и их функции. Так, например, “Житие” повествует о том, как св. Георгий Святогорец нашел мощи святых отцов, торжественно перенес их в соборный храм и положил “ниже мощей Иоанна и Евфимия” в притворе южной части церкви. Преподобный украсил гробницы иконами и неугасаемыми лампадками¹⁸. В “Житии” далее говорится о том, что, узнав о смерти Георгия Мтацминдели, блаженный Петр и его брат Иоанн Чкондидели (архиепископ Чкондидский – Западная Грузия) заказали живописную икону Богородицы. Согласно описанию автора “Жития”, по сторонам центрального образа Богородицы были изображены молящиеся святые отцы Георгий и Евфимий, “предстающие заступниками за нас перед Богородицей”. Об образе же отца Евфимия сказано, что он изображен не стариком, а в том возрасте, когда он занимался переводом книг и было ему 50 лет. Этим как бы подчеркивается его огромная заслуга в деле перевода греческих христианских авторов на грузинский язык. Георгий Мцире поясняет, что сейчас святые Георгий и Евфимий находятся на небесах перед Богородицею, “а на земле же, на святой иконе, они предстают перед ней в мольбе о заступничестве и о мире для нас”¹⁹. По всей видимости, икона являлась константинопольской продукцией. Это предположение основано на сопоставлении повествования и исторических фактов – Петр (у него был титул патрикия) и его брат Иоанн Чкондидели встретились в Царьграде, куда Петр сопровождал дочь грузинского царя Марию-Марфу, “которую привел в жены Константин Дука”²⁰. Здесь же братья узнали о кончине преподобного Георгия Мтацминдели. Можно предположить, что именно тогда икона, о которой повествуется в “Житии”, была написана там же, в Константинополе.

В “Завещании монастырю Шио Мгвиме” Давида Строителя, составленном в 1123 г., читаем, что царь, наряду с многочисленными дарами, передал храму Богородицы этого монастыря драгоценные камни и жемчуга “для своей иконы”, и постановил, чтобы перед этим образом постоянно горели две хрустальные лампы²¹. К сожалению, из повествования не ясно, какая икона имеется в виду. Надо полагать, что царь пожертвовал принадлежащий ему образ церкви, им же возведенной. Далее говорится, что при посещении Мухрани – селения в Центральной Грузии – он приложился к иконе св. Шио, одного из так называемых 13 сирийских отцов VI в., основоположников монастырского жития в Грузии. Надо отметить, что до наших дней почти не сохранилось икон с образами грузинских святых (исключением являются не-

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ *Георгий Мцире*. Житие Георгия Мтацминдели // Грузинская классическая литература. Т. 2. С. 88.

¹⁹ Там же. С. 147.

²⁰ Там же. С. 124.

²¹ Грузинская классическая литература. Т. 5. С. 208–209.

сколько поздних икон) и это сведение приобретает особое значение. В “Завещании” же царя Давида Строителя (1125) говорится о драгоценных дарах, преподнесенных им Хахульской Богоматери – едва ли не самому прославленному образу Грузии: “Мои камни и жемчуга пожертвовал Хахульской Богоматери”²², что является еще одним подтверждением того внимания, которое уделялось грузинскими царями украшению и прославлению этого славного образа.

Житие Петра Ибера (Петр Иверийский), сына царя Иберии (Восточная Грузия), – Бакура, впоследствии епископа Маюма или Газы, написано Захарием Картвели (Грузином) в V или VI в. на ассирийском языке и переведено на грузинский Макарием Месхи в XIII–XIV вв. В произведении находим следующие упоминания о поклонении иконам: узнав о смерти отца Исаи, Петр, охваченный горем, в слезах пал ниц перед образами Спасителя и Пресвятой Богородицы в своей келье²³. Далее мы читаем: предчувствуя свой приближающийся конец, Петр оповещает об этом своих учеников. После осенения крестом братьев и их благословения он в своей келье слезно молится перед образом Спаса за свою паству и за весь мир²⁴. В том случае, если повествование Макария о поклонении образам точно следует оригинальному тексту и не является добавлением переводчика, то тогда мы будем иметь дело с одним из древнейших сведений о почитании икон. К сожалению, без специального исследования трудно что-либо утверждать, а такого рода текстовый анализ не входит в нашу компетенцию, хотя это чрезвычайно важный вопрос, так как в этот ранний период исторические данные о почитании и распространении христианских святых образах крайне редки.

Наряду с агиографической литературой для нас исключительное значение имеют ктиторские монастырские типики. Как известно, в средневизантийский период была распространена практика создания монастырских правил основателями этих обителей, принадлежавшими большей частью к аристократической среде²⁵. Типики монастырей привлекают особое внимание византинистов и медиевистов, так как часто эти документы содержат чрезвычайно интересные сведения, открывающие неизвестные страницы духовного опыта православных обителей и дают возможность воссоздать различные стороны жизни и культуры православного мира. Типик Петрицонского (Бачковского) монастыря, составленный в 1083 г. основателем монастыря, грузинским феодалом Григолом Бакурианисдзе, выдающимся деятелем Византии, севастом и великим domestikом Запада, является, наверно, одним из самых популярных и наиболее часто цитируемых типиков. Богатые сведения типика являются источником самых разнообразных, а в некоторых случаях даже уникальных сведений, касающихся православного богослужения и искусства²⁶.

Петрицонский типик – своеобразный каталог, в котором не только дает перечень икон, но и указаны их сюжеты, материал, а иногда и форма ико-

²² Грузинская классическая литература. Т. 5. С. 214.

²³ Там же. С. 315.

²⁴ Там же. С. 317.

²⁵ См.: Byzantine Monastic Foundation Documents // DOS. XXXV. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typica and Testaments. Vol. 1–5 / Ed J. Thomas, A. Constantinides Hero. Washington D.C., 2000.

²⁶ Шанидзе А. Указ. соч. С. 232–329.

ны. XXXIV глава типика посвящена пожертвованиям, сделанным монастырю Григолом Бакурианидзе. Здесь представлен перечень “святых честных икон”, церковной утвари и всех украшений, преподнесенных основателем монастыря святой обители. В Петрицонском типике упомянуто более десяти икон, среди которых иконы живописные, чеканные, каменные, эмалевые. Разнообразны и формы икон – складни, реликварии святого древа, алтарные образы, эпистилии. Многообразны сюжеты святых образов – Богоматерь, святые воины (св. Георгий, св. Феодор), евангельские сцены (Преображение, Распятие). Среди икон назван и эпистилий темплона с Праздничным циклом. Хотя этот перечень и создает картину святых образов в монастыре, все же многое остается неясным – каковы реальные размеры икон (“больших” и “малых”), как выглядела “восьмиугольная икона”, что подразумевается под определением “каменная икона” (стеатит, мрамор?) и т.д.²⁷

В XII главе типика, указывающей на устройство освещения церковью монастыря, выделены особо значимые образы Пресвятой Богородицы, Распятия, Иоанна Предтечи и св. Георгия. Именно перед этими образами предписано ктитором зажжение светильников. Следуя грузинскому тексту типика, по желанию Григола три светильника неугасимо должны гореть день и ночь перед иконой Пресвятой Богородицы, один светильник – в большом алтаре (в греческом тексте – *μεγάλω βήματι*), один светильник – перед святым алтарем (*τοῦ ἁγίου βήματος*), один – перед *канкели* (в греческом тексте – *ἐν τοῖς καυχέλοις*) у образа Распятия, один – перед образом Крестителя, и еще один светильник – перед образом святого Георгия²⁸. По-видимому, указанный образ Пресвятой подразумевает храмовый образ – и поныне существующую в монастыре икону Богородицы Петрицонитиссы²⁹. В связи с этой главой типика следует отметить, что она служит одним из главных свидетельств для определения времени украшения эпистилиев иконами, точнее, появления икон в интерколумниях алтарных преград³⁰.

Лаконичные, краткие сведения типика лишь указывают на наличие в церкви икон определенного типа, но и эти указания создают определенное представление об иконах XI в. Среди сохранившихся грузинских икон только небольшое количество относится к этому периоду, и эти письменные свидетельства дополняют наши знания об иконописи данной эпохи.

Иконы входят в перечень пожертвований, приведенных во второй главе того же типика (“О пожертвованиях и подношениях и о землях, данных и положенных в этой церкви”): “...мы пожертвовали и дали [монастырю] много честных икон...”³¹, в греческом тексте уточнено, какие образы были пожертвованы: “иконы Христа Спасителя и всех святых”³². К сожалению, невозможно более точно определить характер и художественные достоинства

²⁷ Там же. С. 320–321

²⁸ Там же. С. 300–301

²⁹ *Сакварелидзе Т.* Грузинское чеканное искусство XIV–XIX веков. Ч. 1. XIV–XVI вв. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.). С. 26–29. Ил. 7. *Παναγιώτιδης Μ.* Η εικόνα της Παναγίας Γλυκοφιλούσας στο Μοναστήρι του Πετρίτζου. *Ευφρόσυνον*. 2. Σ. 459–468.

³⁰ *Chatzidakis M.* L'évolution de l'icone aux 11e-13e siècles et la transformation du templon // *Acts du XVe congrès international d'études Byzantines*, Athènes. Septembre 1976. I. Art et Archeologie. Athènes, 1979. P. 339; *Смирнова Э.С.* Иконы XI в. из Софийского собора в Новгороде // *Иконостас*. М., 2002. С. 271–272.

³¹ *Шанидзе А.* Указ. соч. С. 289.

³² *Georgica V.* С. 128.

икон Петрицонского монастыря, но ясно, что все они созданы ок. 80-х годов XI в. или чуть раньше. Учитывая также высокий ранг вкладчика, следует предположить, что пожертвованные им в монастырь иконы, несомненно, являлись произведениями высокого художественного качества. Что же касается происхождения этих икон, следует учесть одно немаловажное обстоятельство – Петрицонский монастырь, как это не раз подчеркивается в типике, является грузинским монастырем, основанным грузинским феодалом, и ктитор строго требует его ограждения от иноземцев. В одной из глав (XXIV) строжайшим образом запрещено принятие в монастырь греков. В местной семинарии обучение велось на грузинском языке, так же, как и богослужение³³. Исходя из этих предпосылок, следует предположить, что пожертвованные монастырю иконы, если не все, то хотя бы их часть, были грузинской работы.

Православная доктрина почитания святых образов нашла свое отражение в грузинской гикнографии. В этом отношении примечательно произведение “Песнопения Анчийской иконы”, принадлежащее перу Иоанна Анчели, епископа Анчийского монастыря в Южной Грузии, современника царицы Тамар (конец XII – начало XIII в.). Имя Иоанна Анчели, архиепископа Анчийского, известного церковного деятеля Грузии, связано с чудотворной иконой Нерукотворного Спаса из Анчи (Анчисхати) (рис. 2). Иоанн Анчели, как сказано в одной из надписей чеканного оклада иконы, удостоился чести украсить святой Анчийский образ по приказу царицы Тамар. Анчийский чеканный триптих – истинный шедевр чеканного искусства “окован рукою Бека”, выдающегося грузинского златоделателя Бека Опизари³⁴. Иоанн Анчийский не только украсил окладом этот чудотворный образ, но и посвятил ему “Песнопения”, представляющие собой акростих: “Воспеваю образ Анчийский, я, недостойный Иоанн Анчели”. Это поэтический гимн величайшей святыне Грузии³⁵. “Песнопения” Иоанна Анчели являются своеобразным литургическим канонам. Автор прославляет святую икону и просит покровительства и защиты у “Воплощенного Слова Божия”. Иоанн связывает появление этого чудотворного образа в Грузии с апостолом Андреем, принесшим его в Кларджети (историческая область в Южной Грузии). В “Песнопениях” поэтически изложен христианский догмат о Святой Троице и провозглашается хвала Анчийскому образу – воплощению Спасителя. Здесь же рассказано о многочисленных чудесах, сотворенных иконой, “умом непостижимых и удивительных”. Иоанн напоминает об учении Василия Великого о почитании икон, согласно которому поклонение иконе переходит на первообраз. Весь гимн иконе пронизан православным учением о почитании икон. “Песнопения” завершаются восхвалением Анчийского образа, которому сопутствует и прославление Богородицы как пути воплощения Бога.

Сведения о святых иконах сохранились и в исторических хрониках Грузии. Приведем некоторые из них. Грузинский историк XI в. Леонтий Мровели в своем сочинении “Жизнь царей” рассказывает о проповедях Андрея Первозванного в Западной Грузии и, что особенно интересно для нашего ис-

³³ Шанидзе А. Указ. соч. С. 314.

³⁴ Амиранашвили Ш.Я. Бека Опизари. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.). С. 8.

³⁵ Иоанн Анчели. Песнопения Анчийской иконы // Хрестоматия древнегрузинской литературы / Сост. С. Кубанеишвили. Т. 1. Тбилиси, 1946. С. 381–383 (на груз. яз.).

следования, упоминает нерукотворный образ Богоматери. В летописи излагается предание, согласно которому Грузия досталась по жребию Богоматери. В видении Сын Божий явился Богоматери и изъявил свою волю – послать в предназначенный ей край апостола Андрея Первозванного с ее нерукотворным образом. В летописи говорится о чудесах, сотворенных этой иконой (исцеление ребенка, повержение идолов, источение воды). Как следует из летописи, нерукотворный образ Богоматери явился действенным “инструментом” способствовавшим обращению населения этого края в христианство. Икона была помещена в Ацкурском храме Пресвятой Богородицы³⁶.

В грузинских письменных источниках сохранились сведения еще об одной важной функции святых икон: как известно, они были покровителями войск в праведных битвах за родную землю, являлись защитниками воинов от врагов, приносящими победу. В летописи Васили Эзосмодзгвари, историка царицы Тамар, “Жизнь царя-царей Тамар” рассказано, как горячо молилась царица перед святыми образами Христа и Богоматери накануне решающих битв: босая вошла царица Тамар в Метехский храм Богоматери (в Тбилиси) и слезно молила святой образ о даровании победы над многочисленными врагами³⁷. И получило грузинское войско божественное благословение и был отброшен враг, численностью значительно превосходящий грузинскую рать (Шамхорская битва, 1195 г.). Перед решающей битвой с Румским султаном Рукнадином преклонила колени царица Тамар перед святым образом Вардзийской Богоматери и молила о покровительстве и помощи в неравной битве с несметными полчищами врагов. И босая, со слезами пошла во главе своего войска. Благословила царица на подвиг своих воинов, осенила их святым крестом, и в страшной битве сопутствовало грузинскому воинству покровительство и милость Вардзийской Богоматери. “Как волки среди овец” носились грузинские воины среди неисчислимых врагов, разили их беспощадно и победили их с божьей помощью (Басианская битва, 1204 г.)³⁸.

К XII в. особенно увеличилось количество икон в Грузии и возросла их роль в духовной жизни страны. Эта тенденция была характерна не только для Грузии, но и для всего византийского мира. В эту эпоху иконы наиболее активно применяются в литургии, в церквах и монастырях, в частной жизни, так как возрастает значение так называемого “личного спасения” и соответственно индивидуальной молитвы. К этому же времени возрастает количество письменных сведений о церковных ритуалах, связанных с практикой применения икон.

Два памятника грузинской письменности последующей эпохи – “Дзегли Эриставта” (“Памятник Эриставов”, рубеж XIV–XV вв.) и “Приношения эристава Шалвы Квенипневели Ларгвисскому монастырю” (1470 г.) – содержат интересные сведения, показывающие, что даже в тяжелейшие для страны времена грузинские феодалы заботились как о строительстве церквей и монастырей, так и об их украшении иконами и священными предметами.

³⁶ Картлис цховреба (Жизнь Картли). Т. 1 / Под ред. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. С. 38–41 (на груз. яз.).

³⁷ Грузинская классическая литература. Т. 3. С. 389.

³⁸ Там же. С. 398.

“Дзегли Эриставта”, по сути, является своеобразной хроникой одного из феодальных родов средневековой Грузии. Наряду с ратными подвигами ксанских эриставов в летописи значительное место уделено их деятельности по украшению церквей и монастырей. Летописец подробно рассказывает о том, кто и как украсил ту или иную икону. Так, например, автор сообщает, что жена эристава Шалвы “оковала” икону (так называемую “Тетросани”) и “украсила” ее частицами святых мощей³⁹.

В этой же летописи рассказано, как четверо суток самоотверженно бился Шалва Эристави за Лоцибнскую крепость, а на пятый день, овладев крепостью, преподнес церкви “две прекрасные иконы”. Здесь же находим интересное сведение о строительстве крепости в долине Исроли и возведении палат в Квенипневи сыном Шалвы, ставшим Ларгвисским эриставом, и о создании по его заказу большой иконы Спаса, украшенной чеканным окладом, а так же большой иконы св. Феодора⁴⁰.

“Дзегли Эриставта” содержит чрезвычайно важное для нас свидетельство о взаимосвязях в эту эпоху Грузии с духовным центром христианства – Иерусалимом, а также, что в конце XV в. паломники привозили в Грузию святые иконы и частицы животворящего Древа из Святой Земли. Так, в летописи говорится о том, как сын эристава Шалвы Пипа посетил Святую Землю, поклонился святыням и привез оттуда на родину святые мощи и святые иконы⁴¹.

О тех же ксанских эриставах повествует указанный выше текст “Приношений”. Монастырь в Ларгвиси, где находилась фамильная усыпальница ксанских эриставов, находился под постоянным вниманием эриставской семьи. В этом памятнике письменности рассказывается о вкладе предков эристава Шалвы в строительство и благоустройство монастыря, о его украшении многочисленными иконами. Сам же Шалва, как сообщает источник, украсил росписью главную церковь монастыря, возведенную во имя св. Феодора, а также воздвиг крест честной у царских врат, полных икон со святыми частицами. Кроме того, Шалва построил церковь Крестителя, украсил ее росписью и святыми иконами⁴².

В грузинских исторических документах позднего средневековья также сохранились интересные сведения об иконах. “Грамота подношений католика Дороефа Итрийской церкви”, составленная в конце XVI в., сообщает о восстановлении разрушенной урумами церкви и ее украшении иконами. Среди них упоминаются чудотворная икона “Сионской Богородицы”, украшенная драгоценными камнями и жемчугом, большая створчатая живописная икона Спасителя, большая икона Распятия со святыми частицами, а также пять–шесть небольших икон⁴³.

Составленная ок. 1612 г. “Книга подношений католика Евфимия Сакварелидзе Бичвинтскому храму” сохранила сведение о том, что в Гелатском монастыре находилась золотая икона Бичвинтской Божьей Матери, пожертвованная католиком Евдемоном⁴⁴.

³⁹ Там же. Т. 5. С. 109.

⁴⁰ Там же. С. 110.

⁴¹ Там же. С. 110.

⁴² Там же. С. 128.

⁴³ Памятники грузинского права. Т. 3. С. 354.

⁴⁴ Там же. С. 386.

Трудно переоценить данные, содержащиеся в “Грамоте” настоятеля Онуфрия Мачутадзе монастырю Давид Гареджа, в которой дан не только полный перечень имеющихся в монастыре икон, но и указано их расположение – на могиле св. Давида покоилась окованная серебром икона Спасителя, там же находились две иконы Божьей Матери, окованные серебром, складная икона Спасителя, икона Снятия со Креста, икона св. Николая. Отдельно перечислены иконы в церкви св. Николая – обитая серебром икона св. Николая, икона Божьей Матери, икона Спаса. В церкви Иоанна Крестителя названы: икона св. Иоанна Крестителя со створками, украшенная “на русский манер” драгоценными камнями и русским жемчугом, одна икона Воскресения, складень с Дванадцатыми Праздниками, иконы св. Николая, св. Ильи, св. Иоанна Крестителя, икона святых апостолов Петра и Павла, икона Преображения. Особо выделены иконы в пещерной келье настоятеля – св. Николая, Пресвятой Богородицы, Вход в Иерусалим, св. Шио, Спаса⁴⁵.

Грамота Гареджийского монастыря важна для нас не только фактическими данными относительно находившихся к началу XVIII в. в монастырях Гареджийской Пустыни святых икон, но также и указанием на существовании к этому времени в том древнейшем монастырском центре Грузии интенсивной духовной жизни. В перечне икон названы не только святые образы отдельных монастырских церквей, но и иконы, покоившиеся на гробницах, и святые образы, принадлежавшие частным лицам.

“Законы” Вахтанга VI, созданные в 1703–1711 гг., предоставляют нам интереснейшие сведения о роли святых образов в жизни страны, в частности в законодательной практике. В целом ряде разделов учтены различные случаи, в решении которых большую роль играют святые иконы. Так, например, нанесение повреждений иконам было приравнено к измене царю и отечеству, ограбление церквей, похищение икон считалось тягчайшим преступлением, и наказание за него должен был определить царь или католикос. Большое значение придавалось иконам в вершении правосудия – присяга на святом образе в определенных случаях считалась достаточной для выявления вины⁴⁶.

Обзор средневековых грузинских письменных источников показал, что в Грузии уже с VIII–IX вв. почитание икон имело определенную традицию (например, см. “Житие Григола Хандзтели” и “Житие Серапиона Зарзмели”). Жития святогорских отцов X–XI вв., содержащие разнообразные, хотя и скудные, сведения об иконах, являются своеобразной “энциклопедией”, охватывающей почти весь спектр аспектов почитания святых образов – будь то формы икон, их сюжеты, материал, поклонение иконам или же их функция. Из этих агиографических произведений становится ясно, что в это время святые образы играли довольно важную роль в церковной практике страны.

Начиная с XI в., сведения о иконах все чаще появляются в грузинских письменных источниках (Бачковский типик, список пожертвований католикоса Мелхиседека и т.д.). Надо отметить, что именно с этого времени сохранились письменные свидетельства о водворении в Грузии величайших хрис-

⁴⁵ Там же. С. 681.

⁴⁶ Законы Вахтанга VI / Изд. Ис. Долидзе. Тбилиси, 1981. С. 179, 181, 182, 183 (на груз. яз).

тианских святынь – чрепия и нерукотворного образа Богоматери. В это же время становится популярным предание, согласно которому поклонение святым иконам уходит вглубь веков, к апостольским временам (см. “Жизнь царей”). Эта тенденция, с одной стороны, тесно связана с возрастанием национального самосознания, обусловленным усилением грузинской государственности, а с другой стороны, свидетельствует о возросшем значении святых образов в духовной жизни страны. Созданием этих преданий Грузия старалась как бы стать наравне с Византией, в столице которой хранились самые значительные святыни христианского мира – Нерукотворный образ Спасителя, чудотворные иконы Богоматери и другие священные реликвии. В связи с тем, что Грузия, приобретала все более значительное влияние в политической и духовной жизни восточнохристианского мира, требовалось особое подчеркивание ее значения как оплота православия.

Даже при таком беглом ознакомлении с древнегрузинскими литературными и историческими свидетельствами становится ясной важность этого материала для изучения истории икон. Роль и значение святых образов в жизни страны и их отражение в литературных памятниках и исторических документах – неисчерпаемая тема, требующая нового взгляда на сохранившиеся до наших дней письменные источники, обогащающие наше представление о создании и распространении икон на различных этапах средневековья. Оригинальные произведения выдающихся грузинских церковных деятелей, их переводы христианских авторов создают полное впечатление о характере и масштабе распространения в Грузии православного учения о святых образах. Грузия, ее духовные отцы всегда стойко стояли на защите традиции почитания икон. Грузия неукоснительно следовала принципам почитания священных образов и грузинская церковная практика неизменно придерживалась византийской традиции. Все это проявилось не только в памятниках грузинской иконописи, но и нашло яркое отражение в средневековом грузинском литературном наследии.